

ПРАВО

УДК 441.4

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РИМСКОМ ПРАВЕ

Быков Д.И.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматривается эволюция концепции добросовестности в римской правовой системе, начиная с её истоков в древних правовых памятниках и заканчивая интеграцией в современные правовые механизмы. Автор отмечает, что на ранних этапах римского права преобладал формализм, однако с развитием экономики и торговых отношений возникла необходимость учитывать фактические обстоятельства и намерения сторон. Преторская практика сыграла ключевую роль в защите добросовестности, введя гибкие механизмы разрешения споров и возможности защиты «бонитарной собственности». Важные аспекты добросовестности анализируются в контексте вещного и обязательственного права, а также наследственного и деликтного права. Уделяется внимание различиям между добросовестными и недобросовестными владельцами, а также правовым последствиям добросовестного владения. Работа также подчеркивает двойственную природу добросовестности, представленной как объективный стандарт и субъективная уверенность, что позволило сформировать универсальные принципы, применимые в европейском праве. В заключение подчеркивается, что римское право стало основой для современного понимания добросовестности, демонстрируя способность права адаптироваться к социально-экономическим изменениям, сохраняя баланс между стабильностью и справедливостью.

Ключевые слова: принцип добросовестности, добросовестность, римское право, вещное право, обязательственное право, справедливость, договор.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-01-94-101

Концепция добросовестности занимает значительное место в истории правовых систем, представляя собой важный элемент, который связывает юридическую строгость с этическими нормами. В различных обществах добросовестность использовалась для описания поведения участников правовых отношений, что показывало их уважение к моральным принципам и обязательствам. С древности право формировалось как результат взаимодействия между ритуальными, культурными и этическими аспектами человеческой жизни, что и предопределяло его эволюцию.

История права демонстрирует, что категория добросовестности (*bona fides*) формировалась как ответ на потребность в гармонизации юридического формализма с нравственными принципами. Этот процесс, начавшийся в древнейших цивилизациях, достиг своей системной завершенности в римской юриспруденции, где добросовестность трансформировалась из религиозно-этического идеала в функциональный правовой инструмент.

Категория добросовестности и смежные с ней правовые конструкции прослеживаются в древнейших правовых памятниках различных цивилизаций, отражая универсальную потребность в балансе между формальной законностью и нравственными ориентирами. Уже в ранних обществах право формировалось как синтез ритуальных норм, моральных установлений и практических потребностей. Так, в нормативных текстах Древней Индии «Дхармашастра Ману» оперирует дихотомией «благодетельный/неблагодетельный», акцентируя статус «добродетельной супруги», что подчеркивало этико-правовые ожидания от участников социальных отношений [8, с. 43]. Например, в контексте семейного права добродетель женщины рассматривалась не только как моральный долг, но и как юридическое условие сохранения её прав на имущество и статус в обществе. Примечательно, что нарушение супругой принципа «благодетельного поведения» могло привести к полному

лишению наследства, что демонстрирует взаимосвязь этики и права в древнеиндийской традиции.

Аналогичные принципы прослеживались в древнекитайских законах, где концепция «ли» (ритуал) интегрировала этические нормы в правовые предписания, которые требовали от сторон соблюдения не только буквы, но и духа соглашений. Например, в эпоху династии Чжоу договоры скреплялись клятвами перед предками, а их нарушение считалось не просто правонарушением, но и моральным падением. Этот синкретизм права и морали стал прообразом позднейших концепций добросовестности.

В законодательстве эллинистического мира, например, в афинских законах Солона, подчеркивалась значимость «добропорядочности» женщин как гаранта стабильности семейного института [8, с. 113-114]. Солон, в процессе реформирования афинского права, вводил нормы, которые обязывали женщин демонстрировать полную лояльность семье, что напрямую влияло на их правовой статус в обществе. Например, женщина, которая была уличена в прелюбодеянии, лишалась права выступать в суде и могла быть изгнана из общины. Однако в отличие от восточных традиций, греческое право акцентировало публичный аспект добросовестности: например, в договорах займа требовалось открытое объявление условий, для того чтобы избежать скрытых злоупотреблений. Аристотель в «Никомаховой этике» подчеркивал, что справедливость (*dikaiosisyne*) включает не только законность, но и честность в межличностных отношениях, что позднее повлияло на римские концепции *bona fides*.

Интересен пример из афинской судебной практики: если заимодавец скрывал часть условий договора, суд мог признать сделку недействительной, даже если формально она соответствовала закону. Это демонстрирует раннее стремление к интеграции моральных принципов в правоприменительную практику.

Однако системное внедрение принципа добросовестности в юридическую практику, его трансформация из моральной максимы в правовой инструмент, неразрывно связано с генезисом римского права. Римляне не только унаследовали идеи предшественников, но и создали уникальную систему, в которой добросовестность стала краеугольным камнем частного права. Как отмечал М.И. Ростовцев, римская юриспруденция превратила абстрактные этические нормы в рабочие механизмы, обеспечивающие стабильность гражданского оборота.

На ранних этапах развития для римской правовой традиции была характерна гипертрофированная формализация: правовые действия требовали строгого следования процедурным нормам, а не субъективным намерениям [4, с. 62]. Например, манципация - ритуал передачи собственности - требовала присутствия пяти свидетелей и произнесения установленных формул, что исключало учет фактических намерений сторон. Даже очевидная несправедливость, например, обман при сделке, не могла быть оспорена, если формальные требования соблюдались. Этот подход отражал архаичное понимание права как сакрального акта, где ритуал превалировал над содержанием.

Однако интенсификация торговых отношений, расширение границ империи и усложнение экономики обусловили трансформацию регулятивных механизмов. Преторы, которые отвечали за судопроизводство, начали вводить гибкие подходы к разрешению споров, отходя от архаичного формализма. В частности, появление формулярного процесса (*per formulas*) позволило судьям учитывать не только формальные условия, но и обстоятельства заключения договоров. Судьи получили право учитывать обстоятельства, при которых формально корректные требования признавались неподлежащими защите из-за злоупотребления правом. Как отмечали римские юристы, подобные ситуации требовали толкования договоров «по доброй совести» (*bona fides*), что стало основой для защиты контрактов купли-продажи (*emptio-venditio*), поручения (*mandatum*), хранения (*depositum*) и иных соглашений, где ключевым критерием становилась справедливость, а не буква закона [6, с. 157-158].

При возникновении коллизий в договорных отношениях римские магистраты

разработали особый механизм – преторскую защиту, которая стала ответом на потребности динамичного оборота. Ее суть заключалась в ограничении возможностей недобросовестного продавца истребовать вещь у покупателя при нарушении формальностей передачи квинтской собственности [3, с. 254]. Например, если сделка совершалась без манципации, но с фактической передачей вещи (*traditio*), претор мог блокировать выдачу исковой формулы (*denegatio actionis*), лишая недобросовестную сторону процессуальных инструментов. Это создавало прецедент защиты «бонитарной собственности» (*in bonis habere*), которая, хотя и не признавалась квинтским правом, гарантировала стабильность коммерческих отношений.

Интересен пример из судебной практики: если покупатель, получивший вещь через *traditio*, сталкивался с иском от третьего лица, претор предоставлял ему эксцепцию (*exceptio rei venditae et traditae*), защищавшую его владение. Таким образом, преторское право стало мостом между архаичным формализмом и потребностями развивающейся экономики. В Дигестах (D.6.2.7) приводится дело, где претор отказал в иске продавцу, который, формально сохранив квинтскую собственность, фактически передал вещь покупателю. Судья указал, что «добрая совесть требует считать покупателя истинным владельцем».

В договоре поручения (*mandatum*) мандатарий получал право на компенсацию расходов, понесенных при добросовестном исполнении обязательств, даже если результат не был достигнут [2, с. 309]. Однако выход за рамки полномочий автоматически ограничивал объем возмещения. Например, если поверенный, уполномоченный на покупку участка за 1000 сестерциев, тратил 1500, возмещению подлежала лишь первая сумма. Такие правила стимулировали участников оборота к четкому определению условий соглашений.

Эти договоры защищались исками *bonae fidei*, предоставлявшими судье свободу толкования на основе принципов справедливости и «доброй веры» [7, с. 71]. Как подчеркивал С.А. Муромцев, расширение судейского усмотрения через категорию добросовестности стало ответом на запросы развивающегося оборота, интегрируя как сложившиеся обычаи, так и формирующиеся правовые тренды [5, с. 478]. В Дигестах Юстиниана (D.16.3.31) прямо указывалось: «В делах, основанных на доброй совести, судья должен восполнять пробелы договора, руководствуясь естественной справедливостью». Примером гибкости таких исков может служить дело из практики юриста Гая (D.19.1.13): покупатель, не проверивший качество товара, требовал расторжения сделки. Судья, сославшись на добрую совесть, обязал его принять товар, так как небрежность покупателя противоречила принципам справедливости.

В институте владения (*possessio*) добросовестность трактовалась через призму субъективного восприятия владельца. И.Б. Новицкий и В.М. Хвостов определяли добросовестного владельца как лицо, убежденное в своем праве собственности [6]. Однако Ю. Барон акцентировал момент возникновения добросовестности — она должна присутствовать уже при заключении сделки, а не только при владении. Например, если лицо покупало краденую вещь на рынке, полагая, что продавец — собственник, его владение признавалось добросовестным лишь при отсутствии признаков, указывающих на противоправность происхождения вещи [1, с. 68].

Л.И. Петражицкий расширял понятие, включая субъектов, заблуждающихся относительно наличия у них узуфрукта или иного вещного права. Так, арендатор, ошибочно считавший себя собственником, мог защищаться исками, характерными для владельцев, если его заблуждение было извинительным. Например, если арендатор получал участок по поддельному договору, но не имел возможности проверить его подлинность, его владение считалось добросовестным.

Ключевым дискуссионным вопросом оставался критерий «извинительности заблуждения». Г. Дернбург указывал, что добросовестность предполагает осмотрительность при приобретении владения [11]. Например, покупка драгоценностей за символическую цену у лица без постоянного места жительства должна была вызывать сомнения, делая владение недобросовестным. Это особенно актуально для ситуаций, когда вещь приобреталась у

неуправомоченного лица через сложные цепочки сделок. Формализм римского права требовал не только убежденности в правомочности контрагента, но и соблюдения процедурных норм передачи вещи, таких как присутствие свидетелей или использование письменных документов. В Дигестах (D.41.3.33) приводится пример: если лицо приобретало землю у человека, который ранее был замечен в мошенничестве, суд признавал сделку недобросовестной, даже если формальные требования соблюдались. Это демонстрирует, как римское право постепенно интегрировало моральные критерии в юридическую практику. Современные исследователи, такие как А.В. Коновалов, проводят параллели между этим подходом и принципом «разумной осмотрительности» в современном корпоративном праве.

Добросовестность предоставляла владельцу ряд преимуществ, дифференцируя его статус от недобросовестного:

1. Право участвовать в разделе общего имущества (*actio communi dividundo*) без доказывания титула — достаточно было подтвердить факт длительного и мирного владения.

2. Возможность присвоения плодов и доходов (*fructus*) от использования вещи. Например, добросовестный владелец виноградника мог продавать урожай, тогда как недобросовестный обязан был компенсировать его стоимость собственнику.

3. Защита через Публицианов иск (*actio Publiciana*), основанный на фикции завершения срока приобретательной давности (*usucapio*). Этот иск позволял вернуть вещь даже у третьих лиц, кроме квиритского собственника.

Однако, как отмечал Г. Дернбург, эта защита носила относительный характер, ибо не действовала против квиритского собственника. Например, если истинный владелец доказывал свое право через *vindicatio*, Публицианов иск терял силу. В Дигестах (D.6.2.9) описан случай, когда бонитарный владелец, защищаясь Публициановым иском, проиграл спор квиритскому собственнику, что подчеркивало дуализм римской собственности.

В контексте приобретательной давности (*usucapio*) добросовестность сочеталась с требованиями легитимного титула (*iusta causa*) и длительности владения (1 год для движимых, 2 года для недвижимых вещей). Ч. Санфилипо подчеркивал, что изначально исключалось давностное приобретение вещей, полученных путем кражи (*res furtivae*) или насилия (*vi possessae*). Реформа Юстиниана (C.7.39.8) ужесточила условия, требуя «непрерывного, мирного и открытого владения» (*pec vi, pec clam, pec precario*). Интересен случай из практики: если владелец скрывал факт владения (*clam*), срок давности не начинался. Это подчеркивало связь между добросовестностью и прозрачностью действий.

При виндикации (*rei vindicatio*) различия в статусе владельцев проявлялись в:

1. Моменте возникновения ответственности: для добросовестных — с момента предъявления иска (*litis contestatio*), для недобросовестных — с момента незаконного завладения.

2. Объеме возмещения: добросовестные компенсировали только реально полученные плоды (*fructus percepti*), недобросовестные — потенциальные доходы собственника (*fructus percipiendi*).

3. Условиях освобождения от ответственности: добросовестные освобождались при отсутствии вины (*casus*), недобросовестные отвечали даже за случайную гибель вещи (*casum sentit dominus*).

В спорах о спецификации (*specificatio*) — создании новой вещи из чужого материала — дискуссионным оставался вопрос о значении добросовестности переработчика. Сабинианцы считали, что собственником продукта становится владелец материала, прокулианцы — спецификатор. Кодификация Юстиниана (Inst.2.1.25) закрепила компромисс: спецификатор признавался собственником, если продукт не мог быть возвращен в исходное состояние, но действовал без умысла (*bona fide*) [10, с. 95]. Например, если художник, не зная о краже мрамора, создал статую, суд признавал его собственником при условии добросовестности.

При наследовании (*hereditas*) добросовестность влияла на статус наследника. Если лицо, ошибочно считавшее себя наследником, управляло имуществом, оно обязано было

компенсировать расходы лишь в пределах обогащения (*in quantum locupletior factus est*). В деликтах (например, при краже - *furtum*) недобросовестность усиливала ответственность: вор платил штраф в 4-кратном размере, тогда как добросовестный приобретатель - лишь стоимость вещи.

В римской юриспруденции добросовестность имела двойственную природу:

- Объективный стандарт - требование добросовестного исполнения обязательств (*bona fides exigit ut quod convent sit praestetur*).

- Субъективная уверенность — убежденность в правомерности действий при приобретении вещных прав (*error iuris non nocet, si bona fide sit*).

Эта двойственность стала основой для последующей дифференциации принципов «доброй совести» в европейском праве. Например, например, в гражданском праве Германии (§ 242 BGB) добросовестность рассматривается как основополагающий принцип, регулирующий исполнение обязательств. Этот принцип требует от сторон действовать честно и справедливо, избегая злоупотребления правами.

В российском гражданском праве добросовестность закреплена в статье 1 Гражданского кодекса РФ как один из основных принципов правового регулирования. Она применяется как в обязательственном, так и в вещном праве. Например, в спорах о защите права собственности суды часто учитывают добросовестность приобретателя имущества, особенно если речь идет о приобретении имущества у недобросовестного продавца.

В англо-американском праве добросовестность также занимает важное место, особенно в контексте договорного права. Например, в США принцип добросовестности и честной деловой практики (*good faith and fair dealing*) является обязательным условием для всех контрактов. Нарушение этого принципа может привести к признанию договора недействительным или к возмещению убытков.

Добросовестность в римском праве характеризовало не только наличие «знания» или «незнания» субъекта о действительных обстоятельствах сделки. Она также рассматривалась как общее требование соблюдения условий договора всеми сторонами сделки, а добросовестное поведение стороны в договоре получает дополнительную защиту от правоприменителя. В связи с этим прослеживается определенная двойственность понятия добросовестности в римском гражданском праве. Указанная категория рассматривалась как объективная категория, некое требование к поведению участников правовых отношений (в основном в обязательственном праве), а также как субъективная категория – заблуждение субъекта относительно обстоятельств, имеющих значение для приобретения права (в основном в вещном праве).

После падения Римской империи принципы римского права, включая концепцию добросовестности, продолжали оказывать влияние на формирование правовых систем средневековой Европы. В этот период римское право было адаптировано к новым социальным и экономическим условиям, что привело к его интеграции в каноническое право и правовые обычаи.

В каноническом праве добросовестность приобрела религиозное измерение. Католическая церковь, опираясь на римские правовые традиции, интерпретировала добросовестность как моральный долг, основанный на христианских ценностях. Например, в брачных контрактах добросовестность рассматривалась как обязательство супругов соблюдать верность и поддерживать друг друга. Нарушение этих обязательств могло привести к аннулированию брака, что подчеркивало важность моральных принципов в правоприменении.

В средневековом феодальном праве добросовестность также играла важную роль, особенно в отношениях между вассалами и сеньорами. Например, вассал, приносящий клятву верности своему сеньору, должен был действовать добросовестно, выполняя свои обязательства. Нарушение этой клятвы считалось не только юридическим, но и моральным преступлением, что могло привести к лишению земельного владения или других санкций.

Интересным примером является практика средневековых торговых гильдий, где

добросовестность была основой для регулирования коммерческих отношений. Гильдии устанавливали строгие правила, требующие от своих членов честности в торговле и соблюдения договорных обязательств. Например, купец, уличенный в обмане, мог быть исключен из гильдии, что фактически означало потерю права на ведение торговли.

Таким образом, римское право заложило фундамент для современного понимания добросовестности, синтезировав моральные императивы с прагматичными правовыми механизмами. Его эволюция от формализма к гибкости демонстрирует, как право адаптируется к социально-экономическим изменениям, сохраняя баланс между стабильностью и справедливостью. Эволюция концепции добросовестности в римской правовой системе представляет собой ключевой элемент, способствующий гармонизации правовых норм с реальными социальными потребностями. Первоначально добросовестность воспринималась как моральная категория, однако с развитием римского права она трансформировалась в важный правовой инструмент, способствующий справедливому разрешению споров и защите участников обязательств. Это свидетельствует о прогрессивной адаптации правовой системы к меняющимся экономическим и социальным условиям.

Преторские новации, вводя гибкие механизмы и обеспечивая защиту добросовестности, заложили основу для формирования современных правовых принципов, основывающихся на идеалах справедливости и социальной ответственности. Двойственная природа добросовестности, включающая как объективные, так и субъективные аспекты, способствует универсализации принципов правопорядка, применимых в разных правовых системах.

Добросовестность как правовая категория продолжает развиваться, адаптируясь к новым вызовам современного общества. В условиях глобализации и цифровизации экономики принципы добросовестности приобретают новое звучание, становясь основой для регулирования сложных правоотношений, таких как электронная коммерция, защита персональных данных и интеллектуальной собственности. Римское право, с его богатым опытом и гибкими подходами, остается актуальным источником вдохновения для современных юристов, стремящихся к созданию справедливой и эффективной правовой системы. Добросовестность, зародившись как моральный принцип, прошла долгий путь развития, став неотъемлемой частью правовых систем многих стран. Ее значение продолжает расти, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и совершенствования данной категории в контексте современных правовых реалий.

С развитием цифровых технологий и глобализации экономики принципы добросовестности приобретают новое значение. Например, в электронной коммерции добросовестность требует от продавцов предоставления полной и достоверной информации о товарах и услугах. Нарушение этого принципа может привести к юридической ответственности, включая штрафы и компенсацию ущерба.

В контексте интеллектуальной собственности добросовестность играет важную роль в защите авторских прав и патентов. Например, использование чужого контента без разрешения владельца считается нарушением принципа добросовестности, даже если это использование не приносит прямой финансовой выгоды.

Интересным примером является применение принципа добросовестности в блокчейн-технологиях. В смарт-контрактах, которые автоматически исполняются при наступлении определенных условий, добросовестность выражается через прозрачность алгоритмов и соблюдение условий договора. Например, если одна из сторон пытается манипулировать данными для получения выгоды, это считается нарушением принципа добросовестности.

Римское право, таким образом, остается не только историческим феноменом, но и живым источником правовых инноваций.

Список использованных источников

1. Барон, Ю. Система римского гражданского права : в 6 т. Т. 5. Общая часть / Ю. Барон ; пер. Л. Петражицкого. - 3-е изд. - Санкт-Петербург : Склад издания в книжном

магазине П. К. Мартынов, 1909. - с. 68. - Текст : непосредственный.

2. Дернбург, Г. Пандекты. Т. 2. Вып. 3. Обязательственное право / Г. Дернбург ; пер. П. Скловского. - 3-е изд. - Москва : Печатня Снегиревой, 1911. - с. 309. - Текст : непосредственный.

3. Косарев, А. И. Римское частное право : учебник / А. И. Косарев. - Москва : Юриспруденция, 2008. - с. 254. - ISBN 978-5-9516-0216-9. - Текст : непосредственный.

4. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве / С. А. Краснова. - Текст : непосредственный // Журнал российского права. - 2003. - № 3. - С. 62.

5. Муромцев, С. А. Гражданское право Древнего Рима : лекция / С. А. Муромцев. - кафедра гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - Москва : Консультант плюс, 2003. - 683 с. - ISBN 5-8354-0175-2. - Текст : непосредственный.

6. Новицкий, И. Б. Римское право : учебник для вузов / И. Б. Новицкий. Москва : Зерцало, 2003. - с. 157-158. - ISBN 5-94373-010-9. - Текст : непосредственный.

7. Савельев, А. В. История римского частного права : учебное пособие / А. В. Савельев. Москва : Тип-я ВНИИ ТЭМР, 1986. - с. 71.

8. Томсинов, В. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / В. А. Томсинов. - 2-е изд. - Москва : Зерцало, 2001. - с. 43. - ISBN 5-94373-033-8. - Текст : непосредственный.

9. Хвостов, В. М. История римского права : учебное пособие / В. М. Хвостов. - 3-е изд. - Москва : Московское научное издательство, 1919. - с. 109. - Текст : непосредственный.

10. Хутыз, Н. Римское частное право : лекция / Н. Хутыз ; ред. С. А. Чибиряев. - Москва : Былина, 1995. - с. 95. - ISBN 5-88528-054-1. - Текст : непосредственный.

Сведения об авторах

Быков Дмитрий Игоревич - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: wolf7153@yandex.ru

UDC 441.4

THE FORMATION OF THE CONCEPT OF GOOD FAITH IN ROMAN LAW

Bykov D.I.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article examines the evolution of the concept of good faith in the Roman legal system, starting with its origins in ancient legal monuments and ending with its integration into modern legal mechanisms. The author notes that formalism prevailed in the early stages of Roman law, but with the development of economics and trade relations, it became necessary to take into account the actual circumstances and intentions of the parties. The praetorian practice has played a key role in protecting good faith by introducing flexible dispute resolution mechanisms and "bonitarian property" protection options. Important aspects of good faith are analyzed in the context of property and obligation law, as well as inheritance and tort law. Attention is paid to the differences between bona fide and unscrupulous owners, as well as the legal consequences of bona fide ownership. The work also highlights the dual nature of good faith, presented as an objective standard and subjective certainty, which allowed for the formation of universal principles applicable in European law. In conclusion, it is emphasized that Roman law has become the basis for a modern understanding of good faith, demonstrating the ability of law to adapt to socio-economic changes while maintaining a balance between stability and justice.

Keywords: principle of good faith, good faith, Roman law, property law, law of obligations, justice, contract.

References

1. Baron, Yu. The system of Roman civil law : in 6 volumes. Vol. 5. General part / Yu. Baron ; translated by L. Petrazhitsky. - 3rd ed. - St. Petersburg : Warehouse of publication in the P. K. Martynov bookstore, 1909. - p. 68. - Text : direct.

2. Dernburg, Pandekty. Vol. 2. Issue. 3. Law of obligations / G. Dernburg; P. Sklovsky lane. - 3rd ed. - Moscow : Printing House of Snegireva, 1911. - p. 309. - Text : direct.
3. Kosarev, A. I. Roman private law : textbook / A. I. Kosarev. - Moscow : Jurisprudence, 2008. - p. 254. - ISBN 978-5-9516-0216-9. - Text : direct.
4. Definition of the concept of "good faith" in Russian civil law / S. A. Krasnova. - Text : direct // Journal of Russian Law. - 2003. - No. 3. - S. 62.
5. Muromtsev, S. A. The civil law of Ancient Rome : a lecture / S. A. Muromtsev. - Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. - Moscow : Consultant Plus, 2003. - 683 p. - ISBN 5-8354-0175-2. - Text : direct.
6. Novitsky, I. B. Roman law : a textbook for universities / I. B. Novitsky. Moscow : Zertsalo, 2003. - pp. 157-158. - ISBN 5-94373-010-9. - Text : direct.
7. Saveliev, A.V. The history of Roman private law : a textbook / A.V. Saveliev. Moscow : Tip-I VNII TEMR, 1986. - p. 71.
8. Tomsinov, V. A. Anthology on the history of the state and law of foreign countries (Antiquity and the Middle Ages) / V. A. Tomsinov. - 2nd ed. - Moscow : Zertsalo, 2001. - p. 43. - ISBN 5-94373-033-8. - Text : direct.
9. Khvostov, V. M. History of Roman law: a textbook / V. M. Khvostov. - 3rd ed. - Moscow : Moscow Scientific Publishing House, 1919. - p. 109. - Text : direct.
10. Khutyuz, N. Roman private law : a lecture / N. Khutyuz ; edited by S. A. Chibiryayev. - Moscow : Bylina, 1995. - p. 95. - ISBN 5-88528-054-1. - Text : direct.

Author`s information

Bykov Dmitry Igorevich - postgraduate student at the Department of Criminal Law, Theory and History of State and Law of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. Address: 241036, Russia, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. E-mail: wolf7153@yandex.ru